

63.3(2)
3-12
СА-399626

АНТОЛОГИЯ
МЫСЛИ

И. Е. Забелин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

ЧАСТЬ 2

 юрайт
издательство
biblio-online.ru

И. Е. Забелин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ЧАСТЬ 2

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Кругской»

СА-3996626

Оглавление

Глава I. Заселение русской страны славянами.....	6
Глава II. Начало русской самобытности	56
Глава III. Устройство отношений с греками	85
Глава IV. Русская женщина первых времен	121
Глава V. Расцвет русского могущества	144
Глава VI. Языческое верование Древней Руси	187
Глава VII. Круговорот жизни в языческое время	242
Глава VIII. Водворение христианства	284
Примечания	343
Новые издания по дисциплине «История России» и смежным дисциплинам	376

Глава I

ЗАСЕЛЕНИЕ РУССКОЙ СТРАНЫ СЛАВЯНАМИ

Древнейшее начало русской истории. — Откуда взялись новгородские славяне? — Появление славян в Европе. — Их первобытная культура. Их первоначальные обиталища. Их первоначальное имя. — Древнейшие торговые пути по нашей стране. — Венеды-славяне, промышленники и коренные колонизаторы нашего Севера. — Следы их поселений от устьев Немана и до Белоозера. — Словенская область Новгорода.

Первая страница русской истории, и самая достоверная страница, была написана в то самое время, почти в тот же год, когда впервые огласилось в истории и русское имя. Она написана знаменитым Царьградским патриархом Фотием в его окружной грамоте к восточным святителям, в которой он впервые обличает Западную Церковь в отходе от православия, в несправедливых захватах, в высокомерии и властолюбии.

Патриарх Фотий справедливо почитается светилом учености и образованности своего века. Этот век (IX) ученые не без основания именуют веком Фотия, потому что «во все продолжение существования Греческого царства, от Юстиниана до падения Византии, никто не принес столько услуг наукам, как патриарх Фотий». При нем положено начало славянской образованности в переводе Священных книг на славянский язык. Славянский первоучитель Кирилл был учеником Фотия.

Что касается церковной распри между Востоком и Западом, подавшей повод к написанию упомянутой грамоты, то она возникла все из-за той же Болгарии, тогда еще новорожденной в христианской истине. Латинский Запад в лице римского папы во что бы то ни стало хотел забрать новую паству со всей ее землей в свои руки. С этой целью он послал к новопросвещенным своих епископов и стал сеять на новой ниве свои западные плевелы и мудрствования. Дабы положить конец властолюбивым притязаниям, Фотий окружной грамотой призывал святителей решить дело собором и рекомендовал как благоприятное для борьбы знамение времени крещение болгар и русских, говоря, что если и языческие народы отвергают свои старые заблуждения и приходят в разум истины, то, по благодати Божией и содействием собравшихся святителей, возможно будет низвергнуть и западную ложь. «Не только болгарский народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, — писал он, — но и тот народ, о котором многие многое рассказывают

и который в жестокости и кровопролитии все народы превосходит, оный глаголемый Рос, который, поработив живущих окрест него и возгордясь своими победами, воздвиг руки и на Римскую империю, и сей, однако, ныне переменял языческое и безбожное учение, которое прежде содержал, на чистую и правую христианскую веру и, вместо недавнего враждебного на нас нашествия и великого насилия, с любовью и покорностью вступил в союз с нами. И столь воспламенила их любовь и ревность к вере (благословен Бог во веки! — зываю я с Павлом), что и епископа, и пастыря, и христианское богослужение с великим усердием и тщанием прияти»¹. Это было написано в 866 году. Смысл этих немногих слов очень обширен: в них отражается, можно сказать, целый период русской истории, русской народности. Народ, о котором уже в 866 году греки многое рассказывали, успел к тому времени достаточно окрепнуть на своем месте и расширить свое влияние. Он успел уже пора; ботить окрестные племена и, возгордясь своими победами, победоносно явился даже под стенами самого Царьграда. В жестокости и кровопролитии он превосходил все народы... Такими выражениями византийцы всегда обозначали особенную силу и могущество своих врагов. Наконец, оставив язычество, этот народ принял крещение и с любовью и покорностью вступил в союз с греками. «Происшествие важное для всей христианской церковной истории», — замечает Шлецер.

Рассуждая об этой важной для нас повести Фотия и по своей норманнской системе никак не желая признать в этом достославном «Росе» наших руссов киевских, Шлецер все-таки вынужден был признать, что здесь рисуется «многолюдный и ужасно сильный народ, который не составлял простой разбойничьей шайки, бегающей с места на место, а был сильным завоевательным народом, не знавшим ни кротости, ни уступчивости, с которым Византийский двор даже и после испытанного нашествия и великого насилия почитал необходимым войти в союз и заключить мир и привлек его к тому богатыми подарками из золота, серебра и дорогих одежд»². После таких свидетельств и заключений критики становится очень понятным, что руссы, попавшие в 839 году к немецкому императору Людовику на Рейне, действительно могли быть только руссами киевскими, ездившими в Царьград от своего кагана для союза с греками, хорошо знавшие круговой варяжский путь по морю и мимо Новгорода и потому возвращавшиеся к Балтийскому поморью по западной окраине, вероятно, из опасения пройти в малых силах Русским путем по степному Днепру. Понятным становится и то обстоятельство, почему хазары в 834 году строят на Среднем Дону крепость Саркел³, не против печенегов, как обыкновенно толкуют, а, несомненно, против того же роса, ибо помещение крепости на речном перевале из Дона в Волгу обнаруживает заботу и опасение больше всего со стороны водяных сообщений, чем со стороны конных степных печенежских набегов, для которых прямая и ближайшая дорога к хазарской столице лежала гораздо южнее, сухим кочевым путем, и была для печенегов предпочтительнее.

Глава II

НАЧАЛО РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Новгородское поселение. Его зависимость от Варяжского поморья. — Начало Новгородской самобытности. — Рюрик как политическая идея. — Начало самобытности Киева. Его поселение. Его значение для Русской страны. — Дела Аскольда. — Переселение Новгорода в Киев и дела Олега.

Много было мест, где приходящие славяне заводили себе елового ши, торговые поселки, городки и города: мы упоминали о Словянске на верхнем притоке Немана, о Словенске — Изборске, о Словиске на перевале от Немана к Припяти и Западному Бугу и др.; но не было выгоднее и значительнее места, как ильменское Славно. Оно находилось на таком узле водных сообщений, с которого можно было свободнее, чем из иных мест, достигать самых отдаленных краев Русской равнины. Отсюда водными дорогами можно было плавать и в Черное море, и в Каспийское, и на дальний север к морю Студеному, не говоря о Балтийском Поморье, откуда приходили сами славяне.

Само собой разумеется, что если славяне прошли в нашу страну прежде всего вверх по Неману, то ильменское Славно должно было заселиться уже позднее Славна Усть-Неманской Руси-Словонии или Немано-Березинского Словянска или вообще позднее всех тех мест, через которые славяне передвигались в Ильменскую область. Вот почему и само имя Новгород должно указывать и на старые города Вендского поморья, и на старые славянские города в нашей Сарматии, ибо показание Птолемея о древнейшем поселке Ставан указывает на Неманские славянские края. Правильные раскопки курганов и городищ в тех местностях могли бы раскрыть многое в отношении поверки этого предположения.

Как бы ни было, но Новый город указывает на новое городское поселение, которое начиналось уже не от родового быта, а прямо от быта городского, не из села и деревни, а из старого города. Сюда собрались для поселения люди, связанные не кровным родством, а целями и задачами промысла и торгова, собрались, следовательно, не роды, а дружины, в смысле промысловых ватаг и артелей. Вот почему зародыш Новгорода не мог быть родовым, он был дружинный, общинный, в собственном смысле городской, то есть смешанный из разных людей, не только разнородных, но отчасти, быть может, и разноплеменных. Если бы собра-

лись сюда люди и не из города, а из сел и деревень, но разные люди, от разных мест и сторон, то и в этом случае их дружина необходимо должна была сложить свой быт по городскому, т. е. общинному порядку. А люди сюда пришли действительно разные, из разных мест и сторон.

Несомненно, что древнейшим поселком Новгорода должно почитать Славно, возвышенную и выдающуюся мысом местность на правом восточном берегу Волхова, у истока Волховского рукава, называемого Малым Волховом и Волховцем. По пути из Ильмень-озера в Волхов это единственная местность, наиболее способная для городского поселения как по удобствам пристанища, так и в целях первоначальной защиты и безопасности. Она господствует над широкой пойменной долиной, где проходит Волховец с протоком Жилотугом и где дальше к югу разливает свои протоки и озера устье реки Меты, впадающей в Ильмень верстах в 12 южнее Новгорода. В весеннее время все это пространство покрывается водой, так что подгородные деревни, монастыри, сам Новгород с этой стороны, именно Славно, остаются на островах и представляют, по замечанию Ходаковского, вид, подобный архипелагу. Господствуя над множеством протоков и заводей, Славно тем самым обозначает вообще топографический характер древнейших славянских поселений, которые повсюду отыскивали себе тех же удобств — скрываться от преследований и нападений врага или внезапно выходить на него из засады и в то же время быть близко к цели своих промыслов. Таков был славянский поселок на устьях Немана, такова была Запорожская Сечь, таков был и русский Переяславец на устьях Дуная (место Преслав у Тульчи), таков был у лютичей и Воллин на устьях Одера. Новгородское Славно помещалось на устьях Меты и Волхова. Припомним и размещения венетов Галлии и Адриатики. Выбрать для поселения такое место могли, конечно, только люди, вечно жившие на воде в лодках, и притом люди, пришедшие в чужую сторону или окруженные чужеродцами. Славно над Волховом и над всей Мстинской долиной возвышалось холмом и мысом, смотревшим прямо к озеру вдоль Волховского потока, так что этот холм красовался еще издалека. На холму еще в 1105 г. упоминается церковь св. Ильи, что дает повод предполагать, не здесь ли стоял новгородский Перун и не это ли место именовалось в то время Перынюю, откуда свержен идол, поплывший под мост города и бросивший на этот мост знаменитую палицу, в наследие задорным старым вечникам.

Ходаковский полагал, что языческое святилище находилось в двух поприщах (в 3-х верстах) южнее Славенского холма и против него, на том же берегу Волхова, тоже на небольшом островке или холме, который издревле прозывался городищем. Это городище было особым жилищем князей, так как здесь находился их дворец и здесь же происходил княжеский суд. Оно могло быть выстроено еще в глубокой древности с целью защиты от врагов. В этом смысле оно могло соответствовать Запорожской Скарбнице, существовавшей тоже на островке

Глава IV

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ПЕРВЫХ ВРЕМЕН

Ольгино мщение за смерть мужа. — Земская мудрость Ольги. — Ее поход в Царьград. — Русская княгиня во дворце царей. — Царские палаты и приемные торжества. — Приемы Ольги. — Особая ей почесть. — Состав ее свиты. — Значение похода.

В то время как Игорь погибал у древлянского Искоростеня, в Киеве оставалась его княгиня Ольга с маленьким сыном Святославом. Княгиню, и город, и всю землю вместо князя оберегал воевода Свентельд, а Святослава хранил его кормилец или дядька Асмуд, иначе Асмолд¹⁰². Такое событие, как убийство князя подвластным племенем, и притом племенем, издавна враждебным Киеву, должно было произвести сильное возбуждение во всем городе. Летописец об этом умалчивает и передает только народную повесть о том, как совершилось русское мщение надо всей Древлянской землей.

Первую весть о смерти Игоря принесли Ольге древлянские же послы. Убив русского князя, древляне задумали совсем упразднить княжий род в Киеве и рассудили так: «Русского князя мы убили, возьмем его княгиню Ольгу в жены нашему князю, а Святослава тоже возьмем и сотворим с ним, как захочем». В этом по виду сказочном древлянском решении может скрываться действительное обстоятельство, по которому древляне, как победители, намеревались вообще завладеть Киевским княженьем. Борьба с Киевом, продолжавшаяся со времен Аскольда почти сто лет и окончившаяся теперь такой удачей, давала естественный повод восстановить древлянское могущество именно присоединением Киевского княженья к Древлянской земле. Естественно также, что древляне прежде всего желали привести в исполнение свой замысел мирным путем, именно сватовством. Видимо, теперь они действуют не как данники и рабы Киева, но как земля самостоятельная и независимая, перед которой Киев, потеряв своего князя, представляется вполне бессильным и, по народным понятиям, в образе своей княгини получает значение невесты для древлянского князя. Порешив так, древляне послали к Ольге послов или сватов, 20 человек лучших мужей, старейших бояр. Послы приплыли к Киеву в ладьях, потому что сообщение с Древлянской землей шло по рекам. Древляне сидели между реками Тетеревом и Припятью, которые обе впадали в Днепр выше Киева. Середина их поселения, по-видимому, была расположена

по реке Уш, впадающей в Припять. Город Искоростень стоял на Уше, в которую слева впадает приток Дерев (Дзерев, Жерев), сохраняющий само имя древлян, и пониже другой приток, Норын, на котором стоял главный город земли Овруч.

Вот сказали Ольге, что приплыли под Киев древлянские послы. Княгиня позвала их к себе. «Добрые гости пришли?» — спросила княгиня. «Добрые пришли, княгиня», — ответили послы. Этот вопрос Ольги, как и ответ послов-сватов, переносит нас в круг свадебных обрядов, когда сваты обыкновенно являются как совсем неизвестные и неизвестные люди и объясняют только, что пришли люди добрые. Очевидно, что народная повесть начинает именно свадебным обрядом и рисует в своем рассказе сочетание свадебного замысла со стороны древлян с замыслом Ольги — исполнить свою месть и совершить не простое наказание убийцам, но торжественные похороны мужа по обрядам язычества. Во всей повести разыгрываются в одно и то же время свадьба и похороны, ожидаемое веселье и горький плач.

«Говорите, с каким делом сюда пришли?» — вопрошает Ольга. «Послала нас Древлянская земля, — отвечают послы, — а велела тебе сказать: мужа твоего убили! А за то, что был твой муж, аки волк, хищник несправедливый и грабитель. А у нас князья добрые, не хищники и не грабители, распасли, обогатили нашу землю, как добрые пастухи. Пойди замуж за нашего князя». Был их князь именем Мал.

«Любо мне слушать вашу речь, — сказала Ольга. — Уже мне своего Игоря не воскресить! Теперь идите в свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу вас почтить великою почестью перед своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугам: не едем на конях, не едем и на возах, не хотим идти и пешком — несите нас в ладьях! И внесут вас в город в ладьях. Такова будет вам почесть. Таково я люблю вашего князя и вас!»

Послы обрадовались и пошли к своим ладьям пьяны-веселы, вздевая руками и восклицая: «Знаешь ли ты, наш князь, как мы здесь тебе все уладили!»

А Ольга тем временем велела выкопать на своем загородном тереме дворе, вблизи самого терема, великую и глубокую яму, в которую был насыпан горящий дубовый уголь. Наутро она села в тереме и послала звать к себе гостей. «Зовет вас Ольга на любовь!» — сказали послам пришедшие киевляне. Послы все исполнили, как было сказано. Уселись в ладьях, развалившись и величаясь, и потребовали от киевлян, чтобы несли их прямо в ладьях. «Мы люди подневольные, — ответили киевляне, — князь наш убит, а княгиня хочет замуж за вашего князя!» Подняли ладьи и торжественно понесли послов-сватов к княгинину терему. Сидя в ладьях, древлянские послы гордились и величались. Их принесли во двор княгини и побросали в горящую яму вместе с ладьями. «Хороша ли вам честь!» — воскликнула Ольга, приникши к яме. «Пуще нам Игоревой смерти», — застонали послы. Ольга велела засыпать их землей живых.

Потом она послала к древлянам сказать так: «Если вы вправду прощайте меня за вашего князя, то присылайте еще послов, самых честнейших, чтобы могла идти отсюда с великой почестью, а без той почести люди киевские не пустят меня». Древляне избрали в новое посольство самых наибольших мужей, державцев, что держат Древлянскую землю.

А древлянский князь в ожидании невесты устраивал веселье к браку и часто видел сны: вот приходит к нему Ольга и дарит ему драгоценные одежды, червлёные, все унизаны жемчугом, и одеяла червлёные с зелеными узорами, и лады осмолёные, в которых понесут на свадьбу жениха и невесту.

Как пришли новые послы, Ольга велела их угощать, велела истопить им баню, избу мовную. Это было старозаветное угощение для всякого доброго и дорогого гостя. Влезли древляне в истопку и начали мыться. Двери за ними затворили и заперли и тут же от дверей зажгли истопку, там они все и сгорели.

После того Ольга посылает к древлянам с вестью: «Пристроивайте — варите мёды! Вот уже иду к вам! Иду на могилу моего мужа, для людей поплачу над его гробом, для людей сотворю ему тризну, чтоб видел мой сын и киевляне, чтоб не осудили меня». Древляне стали варить мёды, а Ольга поднялась из Киева налегке с малой дружиной. Придя к гробу мужа, стала плакать, а поплакавши, велела людям сыпать могилу великую. Когда могила была сыпана в большой курган, княгиня велела творить тризну (поминки). После того древляне, лучшие люди и вельможи, сели пить. Ольга велела отрокам (слугам) угощать и поить их вдоволь. Развеселившись, древляне вспомнили о своих послых. «А где же наша дружина, наши мужи, которых послали за тобою?» — спросили они у Ольги. «А идут за мною с дружиною моего мужа, представлены беречь скарб», — ответила княгиня. Вот уже древляне упились как следовало. Княгиня велела отрокам пить на них, что значило пить чашу пополам за братство и любовь и за здоровье друг друга, отчего отказываться было невозможно — таков был обычай. Это называлось также перепивать друг друга. Сама княгиня поспешила уйти с пира. Вконец опьяневшие древляне были все посечены, как трава. Тут их погибло пять тысяч. Княгиня возвратилась в Киев и стала готовить войско, чтобы истребить древлянскую силу до остатка.

Окончились торжественные похороны Игоря, окончилась троекратная месть вдовы за кровь своего мужа: погребение живых в земле, в горящей яме, погребение живых в огне — сожжением, заклание их жертвами над могилой убитого¹⁰³. Теперь поднималась месть сына.

На другое лето Ольга привела в Древлянскую землю многое и храброе войско под предводительством маленького Святослава с воеводой Свентельдом и с дядькой малютки Асмолдом. Древляне тоже собрались и вышли против. Полки сошлись лицом к лицу и первым начал битву малютка Святослав. Он первый сунул копье на древлян. Копье полетело между ушей коня и упало коню в ноги. Княжее дело было исполнено. «Князь уже почал! — воскликнули воевода и дядька. — Потягнем, дру-

Глава V

РАСЦВЕТ РУССКОГО МОГУЩЕСТВА

Святослав — воспитанник дружины. — Его обычаи. — Его победоносный поход в Низовое Поволжье на камских болгар, бургасов и хазар, к устьям Дона и Кубани на ясов и касогов. — Греческое золото и походы на дунайских болгар. — Война с греками. — Великие битвы. — Недостаток дружины. — Мир и свидание Святослава с греческим царем. — Погибель Святослава. — Значение его Дунайских походов. — Владычество дружины при детях Святослава. — Торжество Владимира и его первые дела. — Торжество язычества.

Святослав, как и отец его Игорь, еще в малых летах начинает княжить, т. е. делает княжеское дело. Тот на руках Олега приехал доискиваться своих прав на Киев, но не был поставлен на прямое дело, а, спрятанный тайком в лодку, достиг цели посредством коварного убийства. Первым делом его жизни был кровавый путь насилия. На том же пути и в конце поприща он бесчестно сложил свою голову. Маленький Святослав на руках дядьки Асмуда, посаженный на коня, храбро выехал на древлян мстить за смерть отца и первый бросил в них копье. Первое дело его жизни было открытое, прямое, отважное и, по языческому обычаю, даже дело святой правды.

Действуют ли такие обстоятельства на умы и понятия малых детей? Мы думаем, что действуют, как и всегда действовали, если не в само малолетство, то после, посредством рассказов от мамок и дядек о тех случаях и событиях, какие сопровождали младенчество героя.

Подобные события детской жизни решают судьбу людей.

Вся жизнь Святослава была отважным военным походом, в котором прямая открытая битва ставилась выше всего. Такую битву он почитал святым или светлым делом. Вероятно, у наших язычников все честное, благородное, прямое выражалось в одном слове святой или светый, отчего герой таких нравственных качеств и получил имя Святослава. Он и закончил свои боевые дни с той же прямою, отвагой и честью. И первые, и последние жизненные подвиги отца и сына рисуют их характеры одинаково, хотя и очень различными чертами. Один погиб, искав насилия людям, другой погиб, искав отваги и мужества и высокой чести вождя не покидать на произвол судьбы дружину.

Святослав остался без отца в четыре года и был уже передан с рук матери из женских теремов на руки дядьки, а собственно, на руки дружины. Тогда водилось, что в это время ребенку делались с большим тор-

жеством постриги, торжественное стрижение первых волос, которое, вероятно, как обычай, шло из отдаленной древности и могло заключаться в том, что голову кругом стригли под гребенку, оставляя заветный запорожский чуб впереди, на лбу, с которым ходил и Святослав. Тут же ребенка сажали впервые на коня и справляли веселым пиром общую радость всей дружины. У Всеволода Суздальского в 1196 году постриги его сына Владимира справлялись пирами больше месяца. Дружина и заезжие гости, которые созывались на торжество, получали при этом богатые подарки золотыми и серебряными сосудами, дорогими мехами, паволоками, одеждами и особенно конями. Это было торжество по преимуществу дружинное, это было дружинное посвящение ребенка в князья, в ратники. Вот почему маленький Святослав выехал на древлян на коне: он был уже в постригах, в посвящении. Само собой разумеется, что при жизни отца он еще не скоро бы выбрался из-под опеки матери, но теперь он стал князем вполне. Он один был князь во всей Русской земле и потому должен был тотчас перейти на руки дружины, которая теперь стала для него родным отцом, воспитателем и кормильцем. Хотя летопись и отмечает, что Ольга сама кормила сына до мужества его и до возраста его, но это свидетельство принадлежит к общим местам летописного рассуждения, которое раскрывает здесь лишь обычные отношения матери к сыну. Напротив того, Константин Багрянородный, описывая около 950 года торговые походы руссов, говорит, что Святослав жил в Новгороде, что Новгород был его столицей. Ольга на другой же год после древлянского погрома ходила в Новгород и в действительности могла оставить там сына на княжении, тем более что новгородцы очень не любили жить без князя и самому Святославу потом говорили, когда взяли к себе маленького же Владимира, что если не даст им князя, то они найдут себе другого. Таким образом, свидетельство греческого императора, что маленький Святослав жил в Новгороде, может почитаться несомненным. Во всяком случае, верно одно, что Святослав был истинный воспитанник дружины, был прямой ее сын. Поэтому, он не поддавался на сторону матери, когда она его учила принять христианский закон. Он прямо ответил, что дружина будет смеяться, и тем обнаружил, что дружина была для него дороже, роднее самой матери. Живя только на руках матери, не так бы он мыслил, не так бы и говорил. Его личность в полной мере изображает нам ту первозданную силу Русской земли, которая отважно наметила далекие границы будущего государства, честно усеяв их своими костями, честно полив их своей кровью. Русская кровь, разнесенная по странам, стала потом Русской землей.

Воспитанник дружины Святослав в свой черед сам же первый из князей был ее создателем. При Олеге, при Игоре войско собиралось от всех союзных и покоренных племен и заключало в себе отдельные дружины варягов, славян, чуди, веси, радимичей, северян, полян и пр. Святослав собрал около себя единую русскую, т. е. киевскую, дружину, которая, без сомнения, составила́сь от всех племен, но в которой

Глава VIII

ВОДВОРЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Внутренние причины и поводы избрания истинной веры. — Посольства и рассуждения о вере. — Поход на Корсунь и крещение Владимира. — Всенародное крещение в Киеве. — Черты характера Владимира-христианина. — Его княжение. — Опасности с Запада и деяния Святополка. Братья-мученики. — Новгород — защитник русской самобытности. — Труды и торжество Ярослава. — Его княжение. Отношение к соседям. — Последний Царьградский поход. — Ярослав — сеятель книжного учения. — Книга первых поучений.

Мы говорили, что первые исторические деяния и исторические стремления Русской земли идут не прямо из недр родового быта, а из города; что это деяния и стремления вовсе не родовые, а городские, необходимость которых возникла с развитием промысловой торговой общины, связана с ее прямыми нуждами и потребностями; что призвание князей было первым основным плодом именно этого общинного, городского, но не первичного родового развития. Родовой быт, создав всенародное вече, тем самым переходил уже к основаниям быта городского, общинного и общественного. Мы видели, что городское общество и было главным деятелем и руководителем во всех начальных предприятиях зарождавшейся народности.

Непосредственным делом городского развития было и другое важнейшее событие начальной русской истории — принятие христианства. Весьма естественно, что почин в этом деле летопись приписывает Владимиру. В нем действительно заключалась основа и опора при распространении христианства по всей земле. Он был глава земли, князь, общественное знамя, представитель общей земской воли. Но мы видели, что он явился в Киев ярым язычником, защитником и восстановителем язычества. Сев на княжение, он тотчас ставит кумиры чтимых богов не только в Киеве, но и в Новгороде, как будто до него эти кумиры находились в небрежении, как будто призванные варяги, главные деятели Владимировой победы, закоренелые язычники, отчаянно боровшиеся с христианством и в своей стране, опасаются, чтобы в Киеве не распространилась Христова вера. Владимир пришел мстить за кровь брата, но сооружение кумиров обнаруживает, что его приход был вместе с тем и торжеством язычества. Однако спустя пять-шесть лет Владимир охладевает к язычеству, поддается советам и рассуждениям болгар-магометан, козар, немцев, греков, предлагающих ему каждый свою

веру взамен языческой. По всему видно, что все подробности предания об этом избрании и принятии новой веры рисуют, в сущности, не лицо князя, но его личные побуждения и намерения, а больше всего стремление всего городского общества.

«Человек ты мудрый и смысленный, а настоящего закона не знаешь», — говорят Владимиру болгары и восхваляют свой закон. Немцы, присланные от папы Римского, толкуют то же самое: «Земля твоя, — говорят они, — такая же, как и наша, т. е. однородная по устройству быта, а вера не такая, вера наша — свет, кланяемся Богу Небесному, а ваши боги — дерево».

Так издавна могли говорить и, несомненно, говорили приезжие гости из разных стран каждому приятелю-киевлянину, восхваляя свой закон веры. Те же речи киевляне должны были слышать везде, куда заносила их торговая предприимчивость и где они являлись такими же заезжими друзьями, как и чужеземцы в Киеве. В древнем обществе не что другое, как именно торговые отношения, являются причиной расширения понятий не только о вере, но и обо всем строе и умственного, и нравственного, и материального существования людей.

Торговый промысел, от которого народились все наши старейшие города и который к концу IX века сосредоточил свои силы в Киеве, естественно, умножал в городовом быту, как мы говорили, великую смесь населения. Смешение разных людей от разных стран и племен неизбежно вызывало такое же смешение понятий. Всякий приносил свое верование, свой обычай, свой порядок жизни. Все это мало-помалу, как и сами товары, переходило из рук в руки, обменивалось между людьми и с незаметной постепенностью создавало в их среде нечто особенное, нечто весьма отличное от особенных верований, обычаев и жизненных порядков, с какими являлся каждый из приходящих. Для язычников, которые в Киеве были все-таки народом преобладающим, это особенное должно было выразиться в смешении и путанице понятий о Боге, о добре и зле или вообще о законе, как говорили Владимиру иноверцы, разумея в этом слове все мировое и человеческое устройство. Путаница, конечно, пришла не разом, а накапливалась мало-помалу, по мере того как распространялись и развивались отношения людей и столкновения понятий. Она являлась следствием разбора и сравнения вещей, что хуже, что лучше, следствием своего рода критики, которая сама собою зарождалась от встречи первобытных языческих понятий с понятиями более развитыми и сильными. От нашествия многих идей о Боге языческий ум не мог устоять на своей почве, стал колебаться, путаться, сомневаться; верования стали охладевать и переходить в равнодушие и неверие. Языческий тип верований оказывался потрясенным во всех основаниях. Наставала смута представлений и понятий; в людях передовых и горячих сам собою пробуждался вопрос: какой же Бог лучше? Ответом на такой вопрос в личной жизни служил, конечно, переход от язычества к той или другой высшей вере. В самом обществе ответом на этот вопрос явилось общее совещание об избрании веры с рассмотре-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49